

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ВЕГЕР — РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ПРОМЫШЛЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

К вузам-предшественникам Финансового университета относится Московский промышленно-экономический институт (МПЭИ). После того, как в 1921 г. был расформирован Московский финансово-экономический институт (МФЭИ), его преподавательские кадры перешли в Московский промышленно-экономический институт, созданный в 1919 г.

А.В.Пачкалов, канд. ист. наук, директор Музея финансов

В 1925–1929 гг. руководителем Московского промышленно-экономического института был Владимир Ильич Вегер (1888–1945 гг.). В эти годы под руководством В.И.Вегера в институте учились студенты, позже получившие известность в истории нашей страны. Например, Иван Данилович Злобин (1904–1993 гг.), ставший позже видным советским государственным деятелем и ученым, доктором экономических наук, заместителем министра финансов СССР. В Московском промышленно-экономическом институте в эти годы в качестве преподавателей работали ведущие сотрудники Наркомата финансов, такие известные ученые, как: Ф.А.Меньков (финансовая политика), С.А.Иверонов (техника податного обложения), В.А.Ржевский (местные финансы и коммунальное хозяйство), С.Т.Кистинев (банковское дело), Н.А.Падейский (организация финансовых учреждений), А.Н.Дорошенко (организация мелкого кредита), Д.А.Лоевецкий и Л.Н.Юровский (деньги и кредит) и др.

Портрет Владимира Ильича Вегера представлен в главном здании университета среди галереи портретов ректоров, однако его биография, еще не была рассмотрена в опубликованных работах по истории Финансового университета.

Владимир Ильич Вегер родился в городе Ярославле в семье Ильи Сергеевича

Вегера (1865–1949 гг.), члена РСДРП с 1898 г.

Интересна биография отца будущего ректора. Илья Сергеевич происходил из небогатой семьи мещан. Уже в 1880-е гг. он активно участвовал на юге в народовольческом движении. Работал заводским рабочим в Екатеринославе (Днепропетровске). Сдав экзамен в Екатеринославской гимназии, поступил в Московский университет, где принимал участие в студенческом движении. За участие в студенческих волнениях в 1890–1891 гг. исключался из университета и был выслан из Москвы с запретом жить в крупных городах. Однако смог поступить в Киевский университет, перевестись в Казанский университет и затем вернуться в Московский университет, который смог окончить на медицинском факультете. В конце XIX – начале XX вв. он работал врачом на фабриках в Костромской губернии и в Шуе (увольнялся фабрикантами за пропаганду среди рабочих), на заводах Уфимской губернии, на участках железной дороги, санитарным врачом в Саратове. И во всех этих местах был устраняем распоряжениями соответственных органов, в нескольких случаях увольнение сопровождалось судебными процессами. Сохранилось свидетельство, что, несмотря на правило обслуживать только рабочих, он безвозмездно принимал всех нуждающихся в медицинском обслуживании из близлежащих деревень. После длительных периодов безработицы он работал, преимущественно, в эпидемических районах на холере и чуме (Поволжье, киргизские степи и т.д.). В 1936 г. в журнале «Советское студенчество» были опубликованы воспоминания Ильи Сергеевича о дореволюционном времени (мемуары «ректора бутырской академии»). До революции им были опубликованы такие материалы, как: «Очерк санитарного положения рабочих на рыбных промыслах дельты Волги», «О снабжении больниц горячей водой», «К вопросу о санитарном состоянии жилищ фабричных рабочих», и др. В 1911–1912 гг., когда многие регионы России страдали от голода, на частные пожертвования, собранные И.С.Вегером, в Башкирии были устроены

столовые для детей. На эту тему в Уфе было опубликовано издание «Детские столовые в Башкирии, устроенные в 1911–1912 году на частные пожертвования, полученные врачом И.С.Вегером».

Будущий руководитель Московского промышленно-экономического института Владимир Ильич Вегер начал учиться в школе в Санкт-Петербурге, но вскоре семья, из-за преследований полицией, переехала в Саратов, где он и окончил экстерном реальное училище.

Илья Сергеевич Вегер пережил трех жен и воспитал восьмерых детей (его первой спутницей жизни стала вдова старшего брата). Пока отец занимался борьбой с эпидемиями, младших детей воспитывала старшая дочь Вера. После смерти своей жены Аси Вегер Илья Сергеевич остался с многочисленными детьми на руках. Людмила Стефановна Петрушевская, правнучка Ильи Сергеевича, позже напишет в воспоминаниях: «Моя прабабушка Ася умерла от сепсиса в тридцать семь лет, оставив шестерых детей. Ее муж, мой прадед Илья Сергеевич, врач, пошел к реке. Он считал себя виновным в смерти жены. Все пятеро побежали за ним, догнали на берегу и повисли на отце, остановили. Маленькую несла старшая, Вера. Когда маму Асю хоронили, дочь Валечка восьми лет шла за отцом как тень, ступая в его следы и бормоча про себя: «Я всю жизнь буду идти по твоим стопам». Они почти все стали подпольщиками, дед был большевик, борец за права угнетенных. Работал он обычно доктором при фабричном управлении, а к нему стекалась хворая беднота из поселка и деревень. И он вообще никогда не брал денег за лечение. Только жалованье. Принципиально принимал всех угнетенных, а должен был обслуживать только персонал».

Опубликована часть переписки Владимира Ильича с отцом. Так, Владимир писал отцу: «Не тронь других — и тебя не тронут. Будь терпимей. Я ведь говорю просто о твоём здоровье, сердце, нервах. Безумно брать на себя то, что не по силам мне, двадцатилетнему... Не можешь быть чем должен — будь чем можешь. Береги себя. Эта просьба горяча и искренна, также как моя любовь к

семье, к тебе, к маме, которую я с каждым днем вспоминаю все чаще. Бывают положения, когда разумнее допустить удар, сокрушающий принцип, чем удар, сокрушающий сердце, мозг. Умереть еще успею». Отец отвечал сыну: «Дорогой мой старший сын! Кто идет твердой поступью, тот оставляет за собой след... Если остается чуть заметный след, хотя бы на один день, значит, он прожит не зря. Нельзя корить нас тем, что затаптывают и срывают посаженные нами ростки. Нам об этом говорить бессмысленно. Ибо мы все равно будем сажать новые, идти вперед. В конце концов, все поступает по-своему. Все — и впереди идущие, и те, кто затаптывает их следы. Ибо каждый может сказать: «На том стою и не могу иначе». «Я не могу иначе» — вот, собственно, формула человеческой личности. И мой ответ тебе. Если не на все, то на многое».

Историк Е.Музалевский писал о саратовском периоде в жизни Вегеров: «Переехав в Саратов, семья соединяется в большой квартире. Дети учатся в гимназиях и реальном училище. Им самим трудно поверить, что обедают они теперь каждый день. Дом Вегеров — шумный, открытый. Со стола не сходит самовар, по вечерам за этим столом часто дискутирует молодежь — конечно же, о Марксе, о революции. После занятий все идет гулять в Липки или на берег Волги. Близкий друг старшего сына, Владимира, Георгий Оппоков — будущий видный деятель большевистской партии, взявший себе псевдоним Ломов». В Саратове Владимир Ильич Вегер женился на подруге своей сестры Веры Ольге Комаровой, племяннице известного драматурга С.А.Найдёнова (1868–1922 гг.), автора известных пьес, поставленных в Малом театре, Московском художественном театре. О С.А.Найдёнове А.П.Чехов сказал, что в России это «единственный настоящий драматург». По сведениям историка Е.Музалевского, Владимир Вегер и Ольга Комарова прожили вместе сорок лет, «в память о реке, на берегах которой скрестились их судьбы, они выберут партийные клички: Поволжец и Волжанка. А семью их близкие будут звать — Волжата».

В 1904 г. Владимир Ильич вступил в партию РСДРП, был членом Саратовского комитета, работал в войсках и в боевой дружине, возглавлял комитет Саратовской организации молодежи. Участвовал в создании и работе губернского комитета РСДРП. Вместе с отцом он принимал участие в Первой русской революции 1905–1907 гг. В 1905 г. Владимир Ильич был делегатом на состоявшейся в Самаре Поволжской аграрной партийной конференции, в ходе конференции он редактировал резолюции и организовал пересылку материалов В.И.Ленину. Являлся руководителем партийной ячейки

на Красной Пресне и одним из организаторов знаменитого краснопресненского восстания в декабре 1905 г. После окончания революции Вегер продолжил заниматься революционной деятельностью в Москве под псевдоним «Поволжец». Несмотря на молодость, он занимал видное положение в партии большевиков, став членом Московского комитета партии (был хорошо знаком с И.Скворцовым-Степановым, В.Ногиним, А.Бубновым, В.Манцевым, П.Смидовичем и др.).

В Москве Владимир Ильич поступил на юридический факультет Московского университета и принимал участие в студенческом революционном движении. Владимир Ильич вспоминал об этом периоде так: «Я был тогда студентом, по кличке «Поволжец», по документам Вегер. Секретарем парторганизации в университете был Удадьцов, теперешний декан исторического факультета (МГУ — АП). Было два места, где чаще всего происходили явки: студенческий буфет, где всегда вертелось много народа, и площадка перед нынешней коммунистической аудиторией. Здесь было незаметно, что происходили явки...». В 1909 г. он дважды арестовывался за принадлежность к партии, выслали в Уфу и Казань под надзор полиции. В это время сотрудничал с газетой «Речь». В 1912 году окончил экстерном Московский университет по специальностям экономики и гражданского права, после этого работал помощником присяжного поверенного в Казани. Здесь он продолжал заниматься налаживанием связи с большевистскими ячейками в других городах, занимался пересылкой литературы.

Во время Февральской революции 1917 г. Владимир Ильич участвовал в организации выборов в Казанский Совет рабочих депутатов, вошел в первый Исполком и губернскую земскую управу. Вместе с А.Колегаевым и М.Вахитовым руководил в 1917 г. первым губернским съездом крестьянских депутатов. Важную роль в революционных событиях 1917 г. играл также и отец Владимира Ильича Илья Сергеевич Вегер, общавшийся в это время лично с В.И.Лениным. Однако с этого года отец и сын, по неясным причинам, навсегда перестали общаться.

После Октябрьской революции, при образовании Казанской рабоче-крестьянской республики, Владимир Ильич Вегер был избран комиссаром городского и земского хозяйства и управляющим делами Совнаркома. С начала 1918 года он также был редактором казанской газеты «Крестьянская жизнь» и принимал участие в съезде крыла интернационалистов РСДРП.

В годы Гражданской войны Владимир Ильич участвовал в борьбе с белочехами и белогвардейцами в Сибири, а также

с белым казачеством на Уральском фронте. В Гражданской войне принимал участие и его отец, участвуя в боях на Туркестанском фронте, в советско-польской войне и др. Во время Гражданской войны отец Владимира Ильича был близок к Я.М.Свердлову.

В 1919 г. Владимир Ильич переехал в Москву. В 1919–1924 гг. руководил научно-учебной частью в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова, затем работал в Иваново-Вознесенском губкоме, после чего был назначен директором ВТУЗа в Москве. В 1920-е гг., помимо руководства Московским промышленно-экономическим институтом, он также являлся профессором МГУ, Московского высшего технического училища (ныне Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана), Сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева (ныне Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева), входил в комиссию содействия ученым при СНК СССР. В 1929–1930 гг. Владимир Ильич Вегер руководил Коммунистическим университетом для трудящихся Китая (КУТК), существовавшим в это время в Москве. Сохранились свидетельства, что он внимательно относился к студенческим нуждам, не был высокомерным, за что пользовался всеобщим уважением и популярностью среди студентов.

Занимался он и общественной деятельностью — избирался в состав Хамовнического, Краснопресненского и Бауманского районных комитетов, а также Московского комитета ВКП(б). Также известно о его работе в советское время в адвокатуре.

В 1920–1930-е гг. Владимир Ильич издал ряд научных работ и учебных пособий для вузов. К его основным работам относятся: «Право и государство переходного времени: хрестоматия» (1924), «О пролетарском государстве: пособие для совпартшкол и комвузов» (1924); «Юридическая помощь населению с 1-го апреля по 1-ое октября 1924 г.» (1924); «К изучению ленинизма: Ленин. Большевики. Диктатура пролетариата» (1924); «Дисциплина и этика: доклад Общему собранию московской адвокатуры» (1925); «Правовая помощь крестьянству» (1925); «Планы лекций по вопросам культуры» (1935) и др. Среди основных статей: «Об адвокатуре буржуазной и советской» (1925), «О советских «законниках»» (1926) и др. Также Владимир Ильич Вегер подготовил воспоминания, которые до настоящего времени изданы лишь фрагментами, но сохранились в одном из архивов.

Интересно, что Владимир Ильич Вегер был близким знаком со знаменитым поэтом Владимиром Маяковским. По словам Петрушевской, он «принял в партию пятнадцатилетнего подростка Маяковского, после чего тот загремел в

Бутырскую тюрьму и впоследствии вышел из партии. Маяковский ходил в дом к Владимиру Ильичу — Поволжцу — и там познакомился с его младшими сестрами, Верой и Валей Вегер. В Валечку он влюбился немедленно. Бытовала наша семейная легенда, что Маяковский с Бурлюком из этого дома вышли в блузах, Маяковский в знаменитой желтой, Бурлюк в лиловой. Мама мне рассказывала, что блузы мальчики взяли у сестер, но девушки были маленькие, а Маяковский огромный. Сомневаюсь. Может быть, ребята просто для смеха примерили? Правда и то, что блузы тогда курсистки носили пышные, на сборках». Сохранились свидетельства о встречах Вегера и Маяковского в разные периоды времени.

Владимир Ильич Вегер оставил воспоминания о Маяковском и об отношениях с ним, опубликованные после смерти поэта. Он так описывал их взаимоотношения: «С Маяковским познакомился в качестве члена Московского комитета партии большевиков, будучи в то же время студентом Московского университета и ведая по партийной линии вопросами работы среди студенчества. Маяковский приехал поступать и учиться в Строгановском училище... Маяковский при первых же разговорах, которые у нас были во время первой нашей встречи — о его работе в организации, — произвел очень хорошее впечатление... И вот в этой беседе выяснилось, что он настроен чрезвычайно непримиримо не только по отношению к царизму, но и по отношению к капитализму... Он был направлен ко мне для использования его в партийной организации. В московской организации он еще не состоял, он приехал недавно с Кавказа и в Москву явился новичком. Он пришел с тем, чтобы ему оформить и быть привлеченным на партийную работу в нашей организации... И первое впечатление от него было такое, что он очень активный, энергичный, сообразительный, деловитый парень, значит, ценный для работы парень. Мы беседовали при первой встрече наедине. Я был тогда парторгом по студенческим делам, был на экономическом отделении Московского университета. Тогда нужен был хороший организатор в Лефортовском районе... И он пошел туда, на эту работу... После первых встреч я с Маяковским потерял связь, и повстречались мы уже оба, будучи арестованными. Это было в 1908 году. Его камера оказалась рядом с моей камерой в Мясницком доме. Это было еще до перевода Маяковского в Бутырки. Причем тут было так. Мы сидели рядом, у него была акварель. Он занимался в это время живописью и добился разрешения у надзирателя, чтобы ему позволили приходило ко мне в камеру — писать меня. И он со своей акварелью, с бумагой переводился иногда на несколько часов ко мне в камеру. От этого

времени сохранился у меня портрет (На сайте Музея В.В.Маяковского говорится о том, что этот портрет сохранился до настоящего времени, однако его поиски через сотрудников музея пока не привели к успеху — АП). Он сажал меня на подоконник, под ногами шла табуретка. Писал он меня преимущественно синей акварелью. В общем, виден был бюст и дальше ноги на табуретке. Во время этих сеансов обыкновенно присутствовал надзиратель (во избежание разговоров), сидел, чтобы не было незаконных разговоров между арестованными. Но мы разговаривали, говорили невинные, нейтральные вещи. Маяковский был старостой у нас в этот период. У нас были прогулки общего характера, причем встречались все арестованные во внутреннем дворе. На одной из таких прогулок у нас встал вопрос о выборе старосты. Маяковский проявил себя как организованный парень, и его выбрали. В его обязанности входило наблюдение за варкой пищи и т.п., а главным образом связь с волей и соответствующие информации о том, что делается тут и что делается там, кто как ведет себя на допросах, нет ли измены, нет ли предательства... Во все время, которое мы здесь находились, он оставался в должности старосты. Интересно, что в этот период у него не было никакого особого интереса к поэзии. Больше того, надо сказать, что живописью он увлекался колоссально. Все время карандашик, зарисовочки, стремление набросать товарищей. И уже акварелью работал. Были у него итальянские карандаши, акварель. Но к поэзии у него не проявлялось интереса... После этого был мой второй и третий арест... Затем я уехал в Казанскую губернию, во вторую свою высылку, после третьего ареста. Владимир приезжает в Казань. По-моему, это был 1915 год. И тут было несколько встреч. Во-первых, пришел Володя ко мне на улицу Жуковского, в дом Баранова. Это была очень приятная, радостная встреча. При первой встрече были жена, моя теща. И разговор начался прямо о желтой кофте. Эта желтая кофта на Веру Александровну произвела очень неприятное впечатление, и она к нему пристала: «Ты умный парень, мы же тебя знаем, брось ты эту ерунду». Он огрызнулся на это. Мать моей жены — сестра Найденова, автора «Детей Ванюшина». Это семья главным образом театральная. И Владимир использовал этот момент, парируя таким образом: «Вы же любите театр!» А они действительно любили театр, сами играли и имели к тому данные. И Володя парировал: «Ну, что такое! А разве нельзя ходить в том костюме, в котором играешь?» И он ее поставил в тупик таким образом... Вторая встреча. У него был вечер в Большом собрании, где он выступал. Он и приехал ради этого вечера в Казань. С ним были Бурлюк

и Каменский. Кроме встречи у меня, была устроена вечеринка с передовой интеллигенцией тамошних мест в центре города, в ресторане «Китай»... Я работал там помощником у одного профессора. Это была главным образом интеллигенция по моей линии, публика из Казанского университета, журналисты, доценты. Всего человек двенадцать было. Сидели в отдельной комнате в ресторане. Публика была мною собрана с тем, чтобы послушать (как договорились с Владимиром), какое течение он защищает... Надо сказать, что жена моя тогда не была членом партии, она стала оформленным членом партии с 1917 года, хотя это был тот же самый человек, который встречался с Маяковским с 1908 года. Я женился в 1907 году. И меня интересовало, какие взгляды теперь у Владимира: поэзия поэзией, а может быть, он на конспиративной работе. Я сам, приехав в Казань, получил работу у профессора, официальное положение было у меня научного работника, а в то же время держал связь с границей, и об этом никто не знал, конечно... Он говорил, что сейчас не работает в партийной организации, но в силу того, что он всецело сейчас ушел в интересе поэзии, что это требует от него громадной работы, что у него очень мало времени... А я относился к этому тогда довольно иронически, что бурлит в нем кровь, послушайте его: он будет наряду с Пушкиным фигурировать! Но в искренности его, в том, что это его подлинное внутреннее настроение, а не простая шумиха, — в этом я был уверен... Я кончил рассказ встречами в Казани. Наступает февральская революция. Я во второй раз приезжаю в Питер на 1 мая 17-го года. На Невском проспекте толпа народу. Полагаюсь на свою квалификацию и на опыт работы среди интеллигентской публики и т.д., я организую выступление со ступенек Михайловской столовой (называлась она тогда Польской кофейной, — напротив Гостиного двора). Выступление очень трудное. Из масс все время идет противодействие навстречу позициям антивоенным. Период был такой, что только недавно в Литовском полку чуть было не побили меня, несмотря на накопившийся большой опыт того, как надо выступать, как надо подводить, к чему что. И вот какой-то крупный офицер рвется к тем, которые читают лозунг «Долой войну», — и публика его поддерживает: «Граждане! это ленинец, это германofil!» Толпа напирала. Сбросит, не даст кончить, побьют. Я не очень хорошо вдаль вижу. И в это время стоящий в толпе высокий малый, оказывается, ведет линию на поддержку меня. Этот офицер орет: «Уберите этого ленинца, дайте ему в морду!» И в то время, когда он кричит: «Дайте ему в морду!» — тот ведет линию поддержки зычным голосом:

— Граждане! Этот офицер бил солдат в зубы!

Я еще не знаю, кто это. И как только начинаются выкрики: «В морду!» — опять слышен очень зычный голос:

— Граждане! Вы же за свободу слова!

Это первомайский митинг. Приехал я из Казани и прошелся по Марсову полю, город посмотреть.

Таким образом, я кончаю благополучно и полагаю, что я кое-кого в этой толпе убедил. А потом из этой толпы выходит в кожаной куртке здоровый малый.

— Ну, товарищ Поволжец, а с точки зрения поэзии у тебя одно место было хорошее — «дым труб».

Я помню, у меня было одно такое место, для интеллигенции оформление такое, и этот «дым труб» у меня прозвучал: «Дым труб остановившихся предприятий», или: «Где же дым труб предприятий? Буржуазия локаутит предприятия...» и т.д.

Значит, встретились. И пошли мы с ним сначала по Невскому. Тут была история. Стоят кучки народу. Подходим к одной кучке. Одна дама надрыдается:

— Ленин — германский шпион! Мы точно это знаем. У нас неопровержимые доказательства!

И вдруг Владимир делает такой номер:

— Гражданин! Отдайте кошелек, вы у меня вытащили кошелек!

Та в полной растерянности. Публика тоже в растерянности. Она ему говорит наконец:

— Как вы смеете говорить такие гадости?

— А как вы смеете говорить, что Ленин шпион! Это еще большая гадость!

Растерянность публики. Идем дальше.

Ну, великолепный номер, конечно, для пропаганды, лучше не придумаешь... А сначала кажется, будто бы хулиганская штука.

Потом мы с ним прошли ко мне в гостиницу «Гермес». Засиделись долго, ночевал у меня Владимир. Говорили о позициях большевистских, что это единственное, за что стоит драться. И он стоял на этих позициях, это абсолютно и безоговорочно.

Я сначала хотел брать постель, потом мы спали вдвоем на одной кровати.

Абсолютно на тех же позициях стоял Владимир: «Власть советов», «Буржуазия к черту!». Причем у него это звучало особенно лихо и резко».

Отец Владимира Ильича Вегера в 1920-е годы занимал руководящие должности. В 1921–1924 гг. — комиссар, управляющий делами Центрального комитета по перевозкам НКПС СССР (опубликовал работу «К учету железнодорожного транспорта»); преподаватель Высших технических курсов при НКПС; с 1925 г. — председатель правления Госстраха СССР; с 1929 г. — секретарь Российского общества Красного Креста и Полумесяца; с 1930 г. — руководящие должности в ВСНХ СССР.

В 1920–1930-е гг. семья Вегеров была типичным примером политической элиты того времени. В Москве представители семьи проживали в гостинице «Метрополь»,

как и другие известные лидеры партии. В книге «Маленькая девочка из Метрополя» Людмила Стефановна Петрушевская писала об этом периоде так: «Я родилась в гостинице «Метрополь», это был второй Дом Советов, гостиничные номера там занимали старые большевики, в том числе мой прадед, Дедя, Илья Сергеевич Вегер... Там же жила, после развода с мужем Н.Ф.Яковлевым (известный лингвист-кавказовед — АП) дочь И.С.Вегера, моя бабушка, Яковлева Валентина Ильинична, тоже член партии с 1912 года, с дочерьми Верой Николаевной и Валентиной Николаевной, моей будущей мамой. Все три, как полагается в сказках, были удивительные красавицы. За бабушкой Валеи бегал юный Маяковский, но она предпочла студента Колю Яковлева... Моя мама также говорила, что в тридцатом году она со своей матерью ехала в трамвае, и они столкнулись там с Маяковским. Бабушка сказала Маяковскому: «Это моя дочь». Вид у поэта был какой-то изнуренный, усталый. Шел последний год его жизни».

В семье Вегеров были и другие известные личности. Младший брат Владимира Ильича Евгений (1899–1937 гг.) был известным партийным деятелем и участником Гражданской войны, участвовал в подавлении Кронштадского восстания, пользовался особым доверием Л.Д.Троцкого. В 1920-е гг. он занимал руководящие должности в Наркомате финансов, публиковал брошюры по различным вопросам. В 1934–1937 гг. являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Еще при его жизни в Одессе, с которой была связана его революционная деятельность, в его честь была названа улица. В 1937 г. Евгений Ильич Вегер был расстрелян, а в 1956 г. — реабилитирован. Жена — Соланж Карпачевская, пианистка, после расстрела мужа была арестована, но вскоре освобождена с психическим расстройством. Во время Великой Отечественной войны Соланж вместе с сыном и матерью на оккупированной территории были заживо закопаны в землю нацистами.

Сестра Владимира Ильича Елена (1901–1937 гг.) руководила секретариатом у «всероссийского старосты» М.И.Калинина, была расстреляна в 1937 г. Елена Ильинична была замужем за Ильей Савельевичем Шелехесом (1891–1937 гг.), советским государственным и партийным деятелем, первым заместителем председателя Совета народных комиссаров УССР, также расстрелянным в 1937 г.

К потомкам семьи Вегер принадлежат журналист Вера Николаевна Бендерова (1916–1991 гг.), написавшая по сохранившимся в семье письмам биографическую книгу «История одной семьи: Повесть в письмах» (1978), и известный современный драматург, прозаик и поэтесса, певица Людмила Стефановна Петрушевская (род. 1938 г.), оставившая воспоминания об истории своей семьи — «Маленькая девочка из Метрополя» (2006).

События 1937 г. в истории своей семьи Людмила Стефановна описывает так: «В мае был арестован и подвергался допросам бабушкин брат Женя Вегер, член Политбюро Украины и секретарь Одесского обкома партии, была арестована и шла к расстрелу его сестра Леночка Вегер... Был арестован и казнен муж Аси, бабушкиной сестры, а саму Асю увели почти год спустя, она много лет просидела в ГУЛАГе. Расстрельный приговор тогда мягко называли «десять лет без права переписки». Остальным приходилось ждать внезапных гостей. Это была пытка. Каждую ночь бабушка вроде бы улавливала шум, как будто машина останавливается где-то вдали, открывается калитка, и очень явственно слышатся шаги по гравии... В те годы именно ночью приходили за людьми, печатали квартиры, и больше никто и никогда не видел этих людей. Каждую ночь кто-то явственно шел от их калитки к дому. Скрипел гравий. Но в дом не заходили. Надо было ждать. Спать стало невозможно. Выйти посмотреть она боялась. Она пошла к психиатру. Он сказал ей: «Оставайтесь у нас, здесь вы будете в безопасности». Она осталась. Видимо, это ее и спасло. Ее так и не арестовали. Моя бабушка была исключительно умная и прозорливая женщина. Она знала, что забирают всех — кроме психов со справкой. Молодая жена Жени Вегера, Соланж Карпачевская, пианистка и красавица, наполовину француженка, после ареста мужа была также схвачена — но в камере от ночных допросов она сошла с ума, и ее освободили. Когда Дедя к ней пришел, она беспрерывно рыдала, сидела на кровати седая в свои молодые годы, черная, истощенная, и бессвязно кричала. Дед был врач. Но он не остался у ее изголовья, а развернулся и без слова ушел. Не знаю почему. Может быть, он сам внутри себя так же хотел кричать все это время, но сдерживался. А она, безумная, была свободна в своих воплях. Женя был его надеждой, его гордостью (со старшим, Володи, он не общался со времен революции), Леночка — младшей любимейшей дочерью. Возможно, что человеческих сил вынести этот крик не было... Женю и Леночку арестовали 23 и 24 мая 1937 года. Леночку расстреляли 3 сентября. Женю 21 ноября. Позже мне сказали, что кто держался дольше, не признавался в шпионаже, не подписывал бумаг, тех мучили больше и казнили позже. А моя будущая семья в это страшное лето скрылась в Серебряном Бору. Иногда люди просто уезжали из своего дома, и посланные из НКВД их не находили».

По воспоминаниям Людмилы Стефановны, ее профиль послужил прототипом главного персонажа мультфильма Ю.Норштейна «Ёжик в тумане». Ее дети: Кирилл Харатьян (род. 1964 г.) — журналист, заместитель главного редактора газеты «Ведомости»; Федор Павлов-Андреевич (род. 1976 г.) — журналист, телеведущий, продюсер, художник; Наталья Павлова (род. 1982) — музыкант, основательница московской фанк-группы С.Л.О.Н.Е.